(cc) BY

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Гольцева Екатерина Владимировна
аспирант
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург

«ДЕЛО Е.Д. СТАШЕВСКОГО» В ОЦЕНКАХ УЧЕНЫХ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: *«Дело» киевского историка Е.Д. Сташевского (1884–1938) о похищении документов из московских архивов стало известно на всю Российскую империю, попав в газеты. В существующих исследованиях преобладают оценки лишь со стороны украинского научного сообщества. В связи с этим по материалам периодической печати и источникам личного происхождения в данной статье рассматривается реакция ряда ученых Москвы и Петербурга: С.Б. Веселовского, М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского, А.И. Яковлева и С.Ф. Платонова.*

Ключевые слова: *«дело Сташевского», Киевский университет, Московский университет, историография, эпистолярия.*

Статья подготовлена в рамках НИР «Россия-Новороссия-Крым: Исторические закономерности единства» (Шифр ИАС НИД СПбГУ 5.38.265.2015).

«Дело Сташевского» можно с уверенностью считать одним из самых громких и скандальных нарушений научной этики начала XX в. Его суть заключалась в краже документов из московских архивов историком, учеником М.В. Довнар-Запольского, преподавателем Киевского коммерческого института, а позже и профессором Киевского университета имени Св. Владимира Е.Д. Сташевским. Первая пропажа была обнаружена в МГАМИД в начале 1912 г. московским историком М.М. Богословским. С этого момента и до 1915 г. на похитителя, которого удалось вычислить, но не уличить, оказывалось моральное давление, приведшее к попытке Е.Д. Сташевского вернуть похищенные документы. В 1915 г.

в дело вмешалось Министерство народного просвещения, обратившееся в Киевский университет с информацией о кражах и просьбой выразить отношение к произошедшему. Виновник признался, но сохранить все в тайне не удалось. С июля 1916 г. столь затянувшаяся неприглядная история стала достоянием общественности, попав в газеты и обрастая слухами о якобы украденном Е.Д. Сташевским документе, ограничивающем власть царя Михаила Федоровича. Для киевского историка «дело» завершилось отставкой из университета.

Столь громкий скандал, тем не менее, почти не интересовал исследователей. Автором наиболее обстоятельных статей о «деле Е.Д. Сташевского» является С.И. Михальченко [5; 6], который представил краткую биографию центральной фигуры этой истории, ход событий и реакцию, вызванную ею в научных кругах Киева. Тем не менее, почти неосвещенным остается восприятие «дела» учеными Петербурга-Петрограда и Москвы, несмотря на то, что некоторые из них были связаны с описанными выше событиями с самого начала напрямую, а другие узнали о них задолго до появления информации в газетах. В частности, представляется возможным узнать, как отреагировали на «дело» историки С.Б. Веселовский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, А.И. Яковлев и С.Ф. Платонов.

В переписке московского историка и археографа С.Б. Веселовского «дело» предстает едва ли менее полно, чем в объяснительных записках и брошюрах, создаваемых в Киеве после придания «московской истории» публичной огласки. Оказавшийся в числе подозреваемых из-за работы с украденными документами до Е.Д. Сташевского именно он одним из первых подробно изложил последнему суть предъявленных обвинений [7, с. 349–350]. С.Б. Веселовский, в отличие от многих своих коллег, не прекратил общение с киевским историком сразу после появления вполне обоснованных подозрений, и выступил автором отзыва на его магистерскую диссертацию. Он раскритиковал ее из-за недобросовестного обращения Е.Д. Сташевского с источниками и выводами других ученых [8, с. 69–70]. Несмотря на испортившиеся после этого отношения, вопрос о дальнейшей судьбе одиозного киевского историка интересовал С.Б. Веселовского: в письмах

ряда его корреспондентов из Киева и Харькова – В.И. Саввы, П.П. Смирнова, и Л.Н. Яснопольского – подробности «дела» занимают значительное место. Необходимо отметить, что мнения украинских ученых, с которыми С. Б. Веселовский общался, повлияли на его восприятие этих событий, в частности, в вопросе о роли в придании «делу» публичного характера учителя Е.Д. Сташевского М.В. Довнар-Запольского. Своеобразную черту в своей оценке «дела» С.Б. Веселовский подвел в своей дневниковой записи от 7 мая 1917 г. В ней он указал, что важнее не то, что сделал Е.Д. Сташевский, а как к этому относятся. Оценки неблаговидных поступков киевского историка, по его мнению, разошлись «не столько по существу, сколько под партийными углами зрения» [3, с. 89]. С его мнением о поляризации общественного мнения по политическим причинам тяжело не согласиться, учитывая слухи, нашедшие свое отражение в печати, о том, что за похитителем документов якобы стояло киевское отделение «Союза русского народа» [10]. Сам С.Б. Веселовский приводит в качестве примера следующий случай, подтверждающий его взгляд о политической подоплеке реакции современников: «На вопрос, заданный одному заслуженному профессору: как вы терпите уличенного вора, последний сказал приблизительно так: это что за вор, это – воришка. А главный вор – это его духовный и научный учитель, наш главный противник в борьбе партий. Теперь воришка перекинулся к нам, он – наш, и нужен нам как орудие борьбы с Вором. А бояться мы его не боимся, т. к. он, как человек ошельмованный (кражей), всегда в наших руках» [3, с. 89].

Московский ученый М.М. Богословский первым указал на пропажу документа из МГАМИД, и, тем самым, запустил маховик расследования, позволившего вычислить укравшего документы. Известно при этом, что он, С.Б. Веселовский и М.К. Любавский были теми доверенными лицами, к кому Е.Д. Сташевский обратился с просьбой о разъяснении подробностей зарождающегося дела [7, с. 348]. Его заступником М.М. Богословский, однако, не стал, хоть позже и выражал ему некое сочувствие в своих дневниковых записях за 1917 г., отмечая, что травля в газетах и ситуация, сложившаяся в Совете Киевского универси-

тета, – «плоды излишней мягкости графа Игнатьева (министр народного просвещения, при котором в 1915 г. дело не было предано огласке – Е.Г.): это надо было сделать тогда же после раскрытия воровства. Теперь вышло, что человек карается за свой поступок дважды» [2, с. 297]. С осуждением он относился и к тем, кто бичевал Е.Д. Сташевского со страниц печати. Так, в феврале 1917 г. в газете «Русские ведомости» под псевдонимом Утис появилась статья другого московского историка А.А. Кизеветтера. В ней он отрицал политический подтекст, приписываемый рядом авторов газетных статей краже документов: «Какая бы то ни было политика была тут совершенно не при чем – была только одна уголовщина» [9]. Не соглашался он и с теми, кто считал публичную огласку дела достаточным наказанием для похитителя документов и предлагал оставить Е.Д. Сташевского на кафедре. Дошло до того, что в своей статье А.А. Кизеветтер выступил с сомнением относительно справедливости сохранения в должности ректора Киевского университета Н.М. Цытовича, попытавшегося было уйти в отставку в связи с «делом», но не сделавшего это по просьбе Совета. Вся эта критика венчалась размышлением автора о профессорской этике. М.М. Богословского статья А.А. Кизеветтера возмутила: «Положительно, Кизеветтер считает себя цензором morum и морализирует, как немецкий пастор. Что же он молчал тогда, два года тому назад, когда кража Сташевского была обнаружена и ему, Кизеветтеру, была хорошо и доподлинно известна. Вот была бы заслуга публициста – разоблачить вора. А теперь бросить в Сташевского 150-й камень – не великая доблесть» [2, с. 300]. Критике его подверглась и оправдывающая Е.Д. Сташевского брошюра Н.М. Бубнова «Сага о правой профессуре Университета Св. Владимира», которую М.М. Богословский охарактеризовал как «провинциальные газетные и университетские дрязги» [2, с. 383]. Таким образом, можно утверждать, что историк, осуждая Е.Д. Сташевского за его поступок, считал развернувшуюся в прессе «травлю» излишней.

Ректор Императорского Московского университета М.К. Любавский, к которому также обратился Е.Д. Сташевский, узнал о пропаже ряда документов из

МГАМИД от хранителя архива С.А. Белокурова задолго до того, как удалось вычислить похитителя [7, с. 443]. С появлением убедительных доказательств историк решительно разорвал отношения с Е.Д. Сташевским [6, с. 124]. Более того, современники приписали ему авторство некой записки, выражающей осуждение поступка киевского историка московской профессурой. Под названием «Позор русских университетов» она фигурирует в письме профессора политэкономии Киевского университета Л.Н. Яснопольского С.Б. Веселовскому, который, впрочем, интересовался, кем и когда она была составлена и существует ли она вообще [7, с. 498]. Также записка упоминается в письме историка П.П. Смирнова: он предполагал, что если такая записка существует, то М.К. Любавский мог быть тем, кто ее подписал, а также упоминал, что «ее содержание даже излагалось где-то в «Биржевке» [7, с. 337]. Мнение о ректоре Московского университета как авторе записки даже перешло в некоторые биографические работы, посвященные ученому [4, с. 172-173], однако сведения о существовании подобного документа были опровергнуты самим адресатом писем украинских ученых С.Б. Веселовским, указавшим в примечании к письму Л.Н. Яснопольского, следующее: «Насколько помню, такой записки не было, а утка о ней пущена Довнаром, когда он, поссорившись со своим б[ывшим] учеником, проф. Сташевским, возобновил замятое уже Сташевским дело о краже документов» [7, с. 498]. Наиболее вероятно, что записка была лишь одним из многочисленных слухов, порожденных этой историей, но в негативной оценке поступка киевского ученого со стороны М.К. Любавского сомневаться не приходится.

Знал о зарождении «дела» и историк А.И. Яковлев. Задолго до обнаружения М.М. Богословским пропажи документов он едва сам не стал обвиняемым, но быстро доказал свою невиновность [8, с. 68]. Когда же похитителя удалось вычислить, А.И. Яковлев писал в письме С.Б. Веселовскому о книге Е.Д. Сташевского «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича»: «А воровской книги, что из Киева прислана, не читал, а листы разрезал: душа, господине, не принимает»

[7, с. 453]. Таким образом, А.И. Яковлев нисколько не сомневался в вине Е.Д. Сташевского и называл его вором.

К декабрю 1913 г. слухи о «деле» донеслись до Петербурга. О московской истории стало известно С.Ф. Платонову, который взаимодействовал с Е.Д. Сташевским из-за магистерской диссертации последнего. В очередной раз столкнувшись с недобросовестностью киевского историка, оболгавшего слова С.Ф. Платонова, в своем письме Н.М. Бубнову он наградил его рядом хлестких определений: «После Вашего письма я поверил, что Ст[ашевский] лгун, также как поверил московским сообщениям, что его нельзя пускать в архивы без бдительного присмотра. По-видимому, это морально нестойкий субъект, и его необходимо остерегаться» [1, с. 189–190].

Представленные оценки «дела Е.Д. Сташевского» не позволяют согласиться с утверждением С.И. Михальченко о том, что в узкий круг посвященных входили «кроме архивных работников и Саввы, только работавшие в то время в московских архивах киевские историки Гневушев и Смирнов знали его перипетии» [6, с. 124]. О деле хорошо были осведомлены научные круги Москвы и Петербурга. Историкам, чьи мнения приведены в данной работе, не за что было оправдывать Е.Д. Сташевского, и все они относились к его поступку негативно, в отличие от решившихся встать на сторону обвиненного в кражах в Киеве. Тем не менее, едва ли стоит полагать, что оценки указанных выше лиц позволяют в полной мере отразить сформировавшееся в Москве и Петербурге общественное мнение по «делу Е.Д. Сташевского», в связи с чем этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 2003. – Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В.Г. Бухерт. – М.: Наука, 2003. – 388 с.

2. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта;

публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Небрекутиной и Т.В. Сафроновой – М.: Время, 2011 – 800 с.

3. Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. – 2000. – №3. – С. 84–110.

4. Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / Под ред. А.Я. Дегтярева, А.В. Сидорова. – М.: Парад, 2005. – С. 119–276.

5. Михальченко С.И. «Дело Сташевского» (начало XX в.) // Российские университеты XVIII–XX вв. в системе исторической науки и исторического образования: Материалы межвузовской конференции. – Воронеж, 1994. – С. 46–48.

6. Михальченко С.И. Дело профессора Е.Д. Сташевского // Вопросы истории. – 1998. – №4. – С. 122–128.

7. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. – М.: Древлехранилище, 2001. – 528 с.

8. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012 – 328 с.

9. Утис [Кизеветтер А. А.]. Дело Сташевского // Русские ведомости. – 1917. – №27.

10. Хищение исторических документов // День. – 1916. – №183.